

Луи Буссенар

Приключения в стране бизонов

Приключения парижанина

Луи Буссенар

Приключения в стране бизонов

«Public Domain»

1886

Буссенар Л. А.

Приключения в стране бизонов / Л. А. Буссенар — «Public Domain», 1886 — (Приключения парижанина)

«Под небольшой одинокой сенью деревьев, посреди долины, раздался резкий треск револьверного выстрела. Упал с пробитой головой индеец.— На коней, джентльмены, на коней! – громко крикнул тот, кто выстрелил. Два его товарища, сидевшие на земле во время неожиданного нападения, быстро вскочив, кинулись к лошадям, привязанным к тонкому стволу мимозы, и принялись распутывать кожаные ремни.— Нет уж, садитесь скорее, а это я сделаю сам, – крикнул стрелок...»

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Глава III	14
Глава IV	18
Глава V	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Луи Буссенар

Приключения в стране бизонов

Книга создана по изданию: Луи Буссенар. Полное собрание романов. Спб., 1911., книгоиздательство П. П. Сойкина. Перевод Е. Н. Киселева

* * *

Глава I

Убийство краснокожего и вероятные его последствия. – Охотники сами становятся дичью. – «Полковник» Билль. – В галоп! – Полковник-пастих. – Что такое ковбой. – Жизнь пионеров. – Лошади без всадников. – Фрикэ пожалован в капитаны. – Он отказывается от почета и желает быть просто Фрикэ. – Но Андрэ никак не может отбояриться от майорского чина. – Новое вооружение индейцев американского Запада. – Отвратительное зрелище.

Под небольшой одинокой сенью деревьев, посреди долины, раздался резкий треск револьверного выстрела. Упал с пробитой головой индеец.

– На коней, джентльмены, на коней! – громко крикнул тот, кто выстрелил.

Два его товарища, сидевшие на земле во время неожиданного нападения, быстро вскочив, кинулись к лошадям, привязанным к тонкому стволу мимозы, и принялись распутывать кожаные ремни.

– Нет уж, садитесь скорее, а это я сделаю сам, – крикнул стрелок.

Они вскочили в седла, а стрелок карманным складным ножом в один миг обрезал все три ремня и с ловкостью вольтижера¹ также вскочил на своего коня.

Возбужденные всем происходящим, лошади сразу взяли в карьер. Индейцы завывали от ярости и досады.

Раздалось несколько выстрелов. Пули просвистели над всадниками, но ни одна не задела их. Они машинально схватились за свои скорострельные винчестеры, но проводник остановил их.

– Вперед, джентльмены, пожалуйста, вперед – и без стрельбы. Сражаться сейчас безумие. Нельзя терять ни одной секунды, если вы дорожите своими скальпами.

– Ну, ладно, – сказал младший из двух джентльменов. – Мы вас послушаемся, потому что действительно дорожим своими шевелюрами. Парикмахеров здесь поблизости нет, не у кого будет заказать парик, и придется щеголять с лысой головой. Это будет неприятно.

– Француз всему готов смеяться, – проворчал с недовольным видом проводник, произнося слова в нос, как типичный американец.

– Вы думаете, я смеюсь?.. Нисколько. Мне вовсе не до смеха. Помилуйте: приехали мирно поохотиться на бизонов и вдруг – трах! Убит человек, а охотники сами стали дичью. Вот вам и свободная страна, вот вам и американские штаты. Не правда ли, monsieur Андрэ, обидно?

– Я нахожу, что мистер Билль несколько чересчур скор на руку.

– Полковник Билль, – поправил янки.

– Пожалуй, хоть и полковник. По-видимому, в ваших глазах человеческая жизнь стоит не очень дорого.

– Во-первых, это был не человек, а краснокожая скотина.

– Для вас – да, может быть. Вы ведь бывший офицер американской милиции. Ну а мы – французы, путешественники, люди штатские, не бывшие даже капралами у себя в национальной гвардии. Мы иначе на это смотрим.

– Во-вторых, это был опаснейший конокрад на всей здешней территории, а краснокожие конокрады способны буквально на все. Два месяца тому назад он оскальпировал целую семью ирландцев-эмигрантов – отца, мать и восемь человек детей.

– Что вы говорите!

– Наконец, вы не видали, скакой жадностью он поглядывал на наших лошадей и на наше оружие. Вы не слышали, какие он приказания отдавал шепотом своим людям. Иначе бы вы со

---

¹ Ловкого наездника, эквилибриста.

мною согласились. Хорошо, что я вовремя обнаружил присутствие этого негодяя вблизи нас. Мне помог счастливый случай.

– Как бы то ни было, за нами теперь гонится целая стая краснокожих...

– Как за героями Майн Рида или Купера, или Густава Эмара.

– Но без всякой романтики. По-моему, эти индейцы в рваных пиджаках и брюках и в обтрепанных шляпах – такая обыденщина...

– И как скучна эта пыльная песчаная степь.

– Они оборванцы, но у них, как и у нас, хорошие винчестеры, – заметил практичный полковник. – Хорошо еще, что они плохие стрелки. А вот вы говорите: степь, так я вам на это скажу: и лучше, что такая степь. Мы скоро достигнем прерии. Там трава, яркие цветы. Посмотреть – красиво, но зато легко можем поджариться, как цыплята на вертеле.

– Вы хорошо говорите, полковник. Однако мне кажется, что погони за нами уже нет. Не устроить ли нам отдых после бешеной скачки?

Янки обернулся, привстал в стременах, внимательно осмотрел всю равнину и произнес:

– Лучше, если бы эти скоты гнались за нами. Я подозреваю какую-нибудь пакость.

Поедемте потише и направимся вон в ту высокую траву.

При этих словах полковник достал табачную жвачку, заткнул ее себе за щеку и с наслаждением стал жевать.

Это был высокий, худой, но крепкий человек с энергичным, но холодным и суровым лицом, с свирепыми, подвижными глазами, большими густыми бровями, с опущенными уголками рта, с порыжелой от солнца и дождя длинной бородой. На первый взгляд он казался несимпатичным.

Одет он был неважно – скорее, как бандит с большой дороги, чем как корректный джентльмен Североамериканских Штатов.

Широкая серая войлочная шляпа, весьма и весьма поношенная. Красная шерстяная рубашка. Кожаные желтые индейские штаны. Громадные сапожищи. Мексиканские шпory величины с блюдце. Револьвер Кольта, нож, винчестер. Словом, наружность бандита.

Несмотря на свой полковничий чин, мистер Билль был простым ковбоем, или пастухом.

Занятие это далеко не мирное. Американские ковбои совсем не похожи на библейских пастухов. Это очень опасные люди, и в большинстве случаев трудно определить, где кончается ковбой и начинается разбойник.

Их заботам поручаются громадные стада в глухих, малонаселенных местностях Дальнего Запада. Жизнь они ведут дикую, безалаберную, чередуя труды и опасности с самым необузданным разгулом. Набираются они по большей части из неудачников, из «бывших». Хозяева их, рэнчмены, или скотоводы, нанимая ковбоев к себе на службу, никогда не интересуются их прошлым, не спрашивают, кто они и откуда. Были бы они только дерзки, смелы и на все готовы. А главное, были бы выносливы и неприхотливы.

Каждому ковбою дается шесть лошадей, поручается тысяча двести голов скота на пяти-шести, дается оружие, телега для провизии – очень неважной: ветчина и мука – и ступай, паси стадо.

Целый день они верхом на коне, целый день скачут, охраняя стада, и за этот труд получают всего сорок долларов в месяц. Получив жалованье, они почти всегда его тут же спускают в кутежах.

Газеты бывают полны описаниями ковбойских подвигов. Недели не проходит, чтобы эти отчаянные пьяницы не натворили чего-нибудь невообразимого. Раз, например, компания ковбоев до того перепилась, что овладела маленьким пограничным городком и сожгла его весь дотла; жителей они вывели на площадь и заставили плясать. Кто плясал недостаточно усердно и проворно, тому подстреливали из револьверов икры.

За подобные выходки им, конечно, и достается порядком.

Жители другого городка, выведенные из терпения безобразиями ковбоев, организовали свою собственную милицию и, изловив полсотни первых встречных ковбоев, повесили их на первом же попавшемся дереве. Это подействовало. Ковбои унялись и перенесли свою деятельность в другое место.

Таков был полковник Билль, американский пастух.

А кто были его спутниками, читатель, конечно, уже догадался сам, если он читал наши книги «Приключения парижанина в стране львов» и «Приключения парижанина в стране тигров»². Если же не читал, то пусть прочитает.

Доехав до начала высокой травы, три всадника остановились и внимательно осмотрели местность, которую только что миновали.

От места столкновения с индейцами они отъехали довольно далеко. Никаких тревожных признаков они не заметили. Только в начале прерии перед небольшой рощицей с густой листвой паслось десятка два лошадей. Вдали ослепительными цветами сверкала прерия.

Полковник жевал табак, сплевывая слюну, и сидел на коне спокойно и грузно, точно монумент, но, видимо, был озадачен. Фрикэ тоже с интересом разглядывал пасшихся лошадей, он находил их движения по меньшей мере странными, хотя поверхностный наблюдатель не заметил бы в их поведении ничего необычного.

– Обратите внимание, monsieur Андрэ, – сказал он, – ведь эти лошади двигаются не сами по себе, а как будто по команде. Они выстраиваются как бы полумесяцем.

– Ведь ты прав.

– Ну, вот. Я, значит, догадался, в чем фокус. У каждой лошади имеется всадник. Взгляните вон на ту белую лошадь, в полукилometре от нас. Я вижу на ее боку ногу в желтых кожаных штанах. Индейцы в аргентинских пампасах часто проделывают такие акробатические трюки. Я уже видел подобное.

– У вас отличное зрение, капитан! – вскричал американец.

– Это кто капитан? Это я-то? Какой же я капитан, позвольте вас спросить?

И он прибавил по-французски, обращаясь к Андрэ:

– Он просто забавен, этот уморительный военный. Он у нас служит проводником, почти лакеем, и осмеливается называть меня капитаном, в то время как себя именует полковником! Выходит, что я у него как бы в подчинении. Хороша же она, хваленая американская демократия!

– Но, капитан... – продолжал янки.

– Пожалуйста, просто мистер Фрикэ, без всяких чинов и титулов! – перебил молодой человек. – Я этого не люблю.

– Слушаюсь, мистер Фрикэ, – продолжал ковбой, удивленный отказом от капитанского чина, когда таким путем можно было потом дойти до майорского и выше. – Вы, очевидно, знакомы с их хитростями. Я с вами совершенно согласен.

– Monsieur Андрэ, вы стреляете, как никто в мире. Не попробуете ли подшибить эту белую лошадь?

– Изволь. Попробую доставить тебе удовольствие.

Молодой человек, не слезая с седла, прицелился из винчестера.

Из дула вылетел дымок. Грянул выстрел.

Белый конь взвился на дыбы и тяжело упал на бок.

Всадник, скрывавшийся за его белым боком, успел соскочить на землю.

– Вот ловко-то! – воскликнул в восторге парижанин.

– Браво, майор, – одобрил ковбой.

---

² А также наиболее крупное произведение – «Путешествие парижанина вокруг света».

– Он опять за свое, – сказал Фрикэ. – Вот вы и в майоры произведены! Послушайте, мистер Билль, раз для вас это так просто, то уж вы лучше прямо произведите его в генералы. Он имеет право: он начальник экспедиции. Скажите, вы уполномочены это сделать или нет?

Неожиданный инцидент избавил полковника от затруднительного ответа.

Индейцы, видя, что они обнаружены, яростно закричали, вскочили в седла и, уже не скрываясь, помчались вперед.

Три всадника не стали их дожидаться и во весь карьер понеслись по прерии. Драться с индейцами не имело смысла: их было шестеро на одного, а вооружение одинаковое.

Фрикэ очень удивился, что американцы позволяют индейцам закупать оружие последних марок. Ведь благодаря этому сильно осложняются взаимоотношения с дикарями.

Лошади у трех всадников были превосходные, так что они могли часа четыре скакать, опережая индейцев. А этот срок достаточен, чтобы достичь лагеря, где у них осталась фура с провизией, лагерными принадлежностями и запасными лошадьми, а при ней семь ковбоев, нанятых вместе с полковником.

Полковник дорогу знал хорошо и уверенно скакал по океану зелени вместе со своими спутниками.

Индейцы тоже мчались во весь опор, и понемногу расстояние между противниками сокращалось. Но беглецы не тревожились: сейчас будет лагерь, сейчас их встретят свои, а десятерым уже не страшны эти индейцы.

Вот и лагерь. Они кричат «ура», давая знать о своем приближении.

Но что это? Им никто не отвечает. Все пусто. Не видно ни людей, ни лошадей. А меж тем индейцы приближаются.

Фура неподвижно стоит среди потухших головней.

Беглецы охвачены дурным предчувствием. Вглядевшись в примятую траву, все трое вскрикивают от ужаса.

Их глазам открывается отвратительное зрелище.

Глава II

Убиенные. – Вместо надгробной эпитафии. – Вражда белых и красных. – Что ждет индейцев. – После разграбления. – Бизонья трава. – Пожар в прерии. – Между сожжением заживо и столбом пыток. – Пэлуз-Райвер. – Обойдены справа. – Стычка и гибель белого коня. – Обход слева. – Обход сзади. – Андрэ принимает командование. – Фрикэ поливает водой три одеяла и режет их пополам. – Андрэ производят в генералы. – Сквозь огонь.

Дюжина волков с окровавленными мордами нехотя прервала свой пир и удалилась прочь при виде подъехавших всадников. Коршуны вились над трупами, но опуститься боялись; вообще-то они очень алчны, но при этом и крайне трусливы.

В нескольких шагах от фуры возле потухшего костра лежало шесть обезображенных трупов. Видимо, люди были застигнуты врасплох, когда сидели у костра и ужинали. На них напали сзади. Все шестеро были оскальпированы; их черепа представляли сплошную окровавленную поверхность. Лица были изгрызены волками и имели ужасный вид.

Полковник передвинул табачную жвачку справа налево, кашлянул, сплюнул шага на четыре перед собой и проворчал глухим голосом.

– *By God*³! Как они обработали моих товарищей!.. Но и те хороши, а еще уэстенеры⁴: дать себя захватить врасплох и перерезать как телят! Где же седьмой? А! Так. Он стоял на часах. Вон его труп, в пятнадцати шагах. На подбородке остался клочок рыжих волос, прочее все съели волки. Узнаю по этому клочку моего товарища, полковника Джима. Хороший человек был покойник, очень любил виски. Не удивлюсь, если окажется, что в ваше отсутствие он добрался до ваших личных запасов и забыл, что напиваться допьяна, находясь на часах вблизи резервации, по меньшей мере неосторожно. Ну что, джентльмены? Не прав ли я был, уложив насмерть того негодяя?

– А вы думаете, что между ними был сговор?

– Между этими негодьями всегда сговор.

– Я полагал, что мирные индейцы никогда зря не нападают, а поначалу хотя бы объявляют войну.

– Так было раньше. Теперь они стали умнее и нападают где только и когда только можно. Правда, и мы сами охулки на руку не кладем.

– Значит, на Дальнем Западе почти все время война?

– Все время, джентльмены. И она не прекратится до тех пор, пока краснокожая раса не будет совершенно уничтожена или не сольется с белой.

– Кто же те, которые так подло убили наших товарищей?

– Полагаю, мародеры, которых мы встретили около Уэтсбурга. Они уверяли, что принадлежат к племени Просверленных Носов, на самом же деле не принадлежат ни к какому и живут на границе резерваций около факторий, устроенных пионерами.

– Так что, искать управы на них у краснокожих вождей – пустое дело?

Американец грубо расхохотался. Этот хохот показался особенно циничным рядом с изуродованными трупами.

– Сразу видно, что вы французы, – сказал он с иронией, – чего захотели! Управы! Вот она здесь, наша управа – винтовка, если ты силен, – он хлопнул рукой по своему винчестеру, – а коли не силен, так удирай со всех ног и во все лопатки, иначе будешь оскальпирован.

– Для нас будет очень обидно покинуть эти места, так и не поохотившись, – перебил Фрикэ. – Может быть, стоит защищаться? Фура цела.

---

³ О боже! (англ.).

⁴ Жители Западных Штатов.

– И это меня удивляет, – сказал Андрэ.

– А меня ничуть, – возразил американец. – Они взяли лошадей, сбрую, оружие и огнестрельные припасы из патронташей. А вы хотели бы, чтобы они унесли с собой эти громадные ящики с провизией и запасным оружием? Взломать их нельзя, ведь они у вас дубовые, окованные железными гвоздями, их и топор-то не берет.

– Из фуры можно бы было сделать настоящую крепость, – заметил Фрикэ.

– В которой из нас коптили бы окороков на манер чикагских. *By God*, мистер Фрикэ, вы совсем не знаете, что такое война в прерии. Для нас сейчас единственное средство спасения – быстрые ноги наших коней. Негодяи, вот увидите, не преминут поджечь траву... И это будет очень жалко, потому что трава чудная, настоящий бизоний корм. Тут есть отчего разбогатеть десятерым рэнчменам. Впрочем, об этом я подумаю после. А пока... Ну, наши лошади, кажется, отдохнули немного. Отправимся в резервацию индейского племени плоскоголовых.

– Это далеко отсюда?

– Тридцать пять миль.

– Шестнадцать французских, то есть шестьдесят тысяч восемьсот метров.

– А наши лошади выдержат?

– Это я вам скажу завтра, если до тех пор не буду оскальпирован.

Даже не взглянув на убитых товарищей, полковник дал шпоры коню и, сопровождаемый французами, поспешил затеряться в безбрежных просторах прерий.

После часового галопа по высокой траве Фрикэ спросил:

– Уверены ли вы, полковник, что за нами гонятся?

– Безусловно, уверен, капитан... то бишь мистер Фрикэ. И даже полагаю, что число преследователей увеличилось вдвое. Слишком уж я насолил им в разное время, они ни за что не упустят случая снять с меня скальп. Но только мы еще посмотрим... Черт возьми! – вдруг прибавил он, тревожно сдерживая коня.

– Что случилось?

– Господа, вы не чувствуете – пахнет гарью или нет?

– Ничего не чувствуем, – разом ответили оба француза, старательно принюхавшись к воздуху.

– Сразу видно, что вы не прожили, как я, десять лет на открытом воздухе. Тут обоняние поневоле становится утонченным.

– И что *же* теперь говорит ваше утонченное обоняние? – с некоторой насмешкой спросил Фрикэ. – Можно узнать?

– Разумеется, можно, мистер Фрикэ. – Я еще не утверждаю этого, но опасаясь, что бизонья трава подожжена недалеко отсюда и что нам грозит опасность сперва задохнуться в дыму, а потом сгореть заживо.

– Если только...

– Если только мы не попадем в лапы краснокожих.

– Ах, да!.. Знаю! Столб пыток... Читал об этом в книгах.

– Не смейтесь, молодой человек, – серьезным тоном заметил ковбой. – Я видел сам, как моих товарищей подвешивали над угольями и жарили на медленном огне, а женщины выдергивали из суставов пальцы и вырезали из кожи узкие ремешки. Воины в это время горланили боевые песни.

– Если они при этом фальшивили, то мучения делались еще нестерпимее.

Полковник покосился на Фрикэ, но не сказал ничего.

– Из ваших слов я делаю вывод, – продолжал невозмутимый парижанин, – что здешние индейцы весьма талантливы на подобные ухищрения, но ни малейшего понятия не имеют о правилах хорошего тона. Отчего бы их не поучить хоть немного? Отчего бы не ввести среди них всеобщего обязательного обучения и притом бесплатного?

– Ладно, ладно! Посмотрим, как вы будете веселиться, когда наше с вами дело примет серьезный оборот.

– Вас, я вижу, сердят мои шутки? Для нас они обычны. Мы шутливо храбры, а вы храбры ворчливо. У каждого своя манера. Не правда ли, monsieur Андрэ?

Андрэ улыбнулся, привстал на стременах, послонявил палец и поднял кверху, как делают моряки, когда хотят узнать направление ветра.

– По-моему, полковник прав, – сказал он вместо ответа. – Бизонья трава несомненно горит, хотя огня и не видно, и горит от нас по ветру. Пожар, по-моему, находится впереди. Что вы скажете, полковник?

– Скажу, что вы правы, майор. Впереди – пожар, сзади – краснокожие. Недурненькое положеньице.

– Что же теперь делать?

– Во что бы то ни стало нужно доскакать вон до той голубоватой полосы в четырех милях от нас. Я полагаю, что это лес на берегу Пэлуз-Райвера.

Вдруг над прерией, между беглецами и голубой полосой, поднялись тонкие столбики беловатого дыма, и послышался шум, похожий на гул прилива. Через десять минут в том же направлении уже было до тридцати таких столбов. Все они загорались на одной линии и скоро должны были слиться в один сплошной костер. Тогда путь к Пэлуз-Райверу будет отрезан.

– Ну-с, мистер Фрикэ, что вы теперь скажете?

– Скажу, что индейцы зажгли траву, чтобы не подпустить нас к реке, а сами полукругом скачут за нами.

– Совершенно верно. Только их теперь не двадцать человек, а не меньше двухсот, и они окружают нас тремя отрядами с разных сторон. Попробуем сначала проскочить справа.

Три всадника поскакали вправо и через десять минут достигли кургана, с которого увидели полсотни индейцев, издававших яростные крики при виде беглецов.

– Так и есть, – проворчал американец. – С этой стороны путь отрезан.

Полковник быстро остановил коня, схватил винтовку и выстрелил с расстояния четырехсот метров.

Чудный белый конь взвился на дыбы и упал, придавив всадника.

– Черт знает что! – вскричал ковбой.

– Вы не довольны? – удивился Фрикэ. – А по-моему, замечательный выстрел.

– На что мне лошадь, я хотел свалить всадника. Браво, майор! Хорошо!.. Капитан, великолепно!

Андрэ и Фрикэ также сделали по выстрелу. Тот, в кого целился Андрэ, упал с коня на землю, а в кого Фрикэ, – рухнул на круп своего коня.

Индейцы, сами довольно плохие стрелки, что бы там о них ни говорили, стали осторожнее и попрятались за лошадей.

– Конечно, мы тут не пробьемся, об этом и думать нечего, – сказал Андрэ, заменяя пустой патрон новым.

– Попробуем налево, – предложил ковбой, круто развернув коня.

Они проскакали триста метров и увидели перед собой новый отряд.

Индейцы были, видимо, уверены в успехе и спокойно окружали белых, тесня их к огню. Положение становилось критическим.

Американец бесстрастно жевал табак и с восхищением поглядывал на французов, дивясь их неустрашимости.

Фрикэ насвистывал свою любимую арию господина Дюмолле, а Андрэ разглядывал в бинокль огненную полосу, из которой все чаще и все слышнее раздавался треск.

Три линии индейцев медленно сближались.

– Ну, полковник? – спросил Андрэ.

– Гм!

– Ваше мнение?

– Я нахожу, что дела наших аховые, и не поставил бы и одного доллара против всех трех наших скальпов.

– И все-таки надо отсюда выбираться.

– Я нахожу, что дела наши аховые, и не поставил бы убивать их как можно больше – никуда не годится. Они перестреляют наших лошадей, а нас схватят и привяжут к столбу.

– А не прорваться ли нам через огонь?

– Попробуем.

– Полковник, я на одну минуту приму на себя командование.

– С тем, чтобы каждый спасался как сумеет?

– Хорошо. Но все же советую последовать моему плану. Право же, он хорош. Фрикэ, быстро – с коня и проворнее отвяжи наши три одеяла. Вы, полковник, следите за правой стороной, а я буду следить за противоположной. Мех с водой у тебя полон?

– В нем восемь литров воды, monsieur Андрэ.

– Разложи одеяла на траве и полей их хорошенько. А вы, полковник, уложите-ка мне вон того, на пегом коне. Чего он там гарцует... Bravo! А я вот этого.

Раздались два выстрела. Упали двое. Индейцы сомкнули ряды, но не отвечали. Они были уверены, что захватят врагов живыми.

– Ты кончил, Фрикэ?

– Готово, monsieur Андрэ.

– Хорошо.

Он выстрелил опять и продолжал:

– Разрежь все одеяла пополам... Полковник, ну-ка вот вы в того, который высунулся из рядов... Да вы превосходный стрелок. Ну, Фрикэ?

– Одеяла разрезаны.

– Тремя половинками полностью закутай лошадям головы, глаза, морды, а также грудь.

– Monsieur Андрэ, пламя приближается.

– Я вижу. Готово?

– Готово.

– На коня, мальчуган. Теперь подай половину одеяла полковнику и мне, а третью оставь себе. Прикроем себе голову и грудь.

– Bravo, генерал! – в восторге вскричал ковбой. – Я понял.

Полоса огня была всего лишь в ста метрах. А позади, не дальше трехсот метров, надвигались соединившиеся в одну толпу три отряда индейцев.

Белые повернули лошадей лицом к пожару, который те, закутанные в мокрые одеяла, видеть не могли.

– Вперед! – громко скомандовал Андрэ, давая шпоры коню и низко нагибаясь под своей половинкой одеяла.

– Вперед! – крикнули его товарищи, делая то же. Все трое ринулись в пламя.

Индейцы увидели, что добыча ушла от них, и подняли яростный крик.

Глава III

Через Тихий океан. – Сан-Франциско. – Эффект, произведенный двумя французами, путешествующими для собственного удовольствия. – Блеск американской рекламы. – Индейцы-«каменные сердца». – Первый маршрут. – Большая долина реки Колумбии. – Портланд. – Далеко не все и не всегда благополучно в городах свободной Америки. – Разоблачения по поводу городка Туканнора. – Пульмановские вагоны. – Левый берег Колумбия-Райвера. – В прериях.

После громкого приключения в бирманской столице Мандалае (см. «Приключения в стране тигров») Андрэ и Фрикэ возвратились на «Голубой Антилопе» в Рангун и там составили план новой охотничьей экспедиции. На этот раз они задумали посетить Дальний Запад Северной Америки и поохотиться на бизонов.

Яхте приказано было идти сначала в Сингапур. Оттуда она направилась в Сайгон, чтобы запастись уголь. В Сайгоне постояли недолго, отправили письма в Европу с первым отходящим почтовым пароходом и проследовали прямо в Гонконг. Здесь запаслись углем и провизией еще в большем количестве и пошли в Иокогаму, до которой по прямой линии от Гонконга три тысячи километров. На седьмой день яхта пришвартовалась в этом японском порту, пройдя от Рангуна восемь тысяч километров за двадцать один день.

В Иокогаме Андрэ распорядился основательно обновить все запасы, готовясь к огромному переходу через Тихий океан от Иокогамы до Сан-Франциско, отстоящих друг от друга на десять тысяч семьсот километров.

При средней скорости яхты в десять узлов предстояло за двадцать четыре дня пройти огромное водное пространство, не имея ни малейшей возможности сделать где-нибудь остановку. Этот путь от Дальнего Востока до Америки совершенно пустынен. От берега до берега не встретится ни клочка земли.

Вполне доверяя яхте, матросам и капитану Плогоннеку, Андрэ утром 15 мая 1880 года отдал приказ поднять якорь, взяв курс на Сан-Франциско.

8 июня, после вполне благополучного плавания, «Голубая антилопа», распустив на корме национальный флаг, через Золотые Ворота вошла в гавань Сан-Франциско.

Нанеся визит французскому консулу и посетив несколько клубов, куда его ввел наш дипломатический представитель, Андрэ заявил о своем намерении как можно скорее отправиться в прерию.

Так как он не был ни инженером, ни скотоводом, не торговал ни салом, ни кожами, ни мукой и вообще не занимался никакой коммерцией, то на него скоро стали смотреть как на редкого зверя. Эти нервные, речистые люди, вечно в движении, вечно в поисках нового, понимали, что можно поехать куда угодно, чтобы зашибить или хотя бы даже потерять доллар. Но чтобы человек богатый мог путешествовать по Америке только для удовольствия, только для охоты – этого они понять не могли. Поэтому французам никто не давал никаких советов, где можно настрелять больше дичи.

Тогда Андрэ положился на случай, на свою счастливую звезду.

Когда все приготовления были кончены, он пошел с Фрикэ гулять по Монгомери-Стрит. Тут им вдруг пришла фантазия зайти запросто, как это принято у американцев, в «голль», или фойе меблированного отеля. Какой-то джентльмен с козлиной бородкой молча подал им плакат с объявлением, весь разрисованный яркими красками, с разноцветными буквами. Объявление гласило: «Исследователю! Пионеру! Рабочему! Горнопромышленнику! Охотнику! Решительно всем!!! Извещаем, что если кто жаждет успеха в скотоводстве, если кто желает получать высокие урожаи, если кто ищет здоровый климат, красивые ландшафты, разнообразных диких зверей, с красивым мехом, медведей и бизонов, – тот должен воспользоваться Северо-Западной железной дорогой. Она – единственная, пролегающая по самым чудным землям штатов, в

которых самая низкая смертность: 1 на 88, тогда как в восточных штатах – 1 на 62, а в Европе – 1 на 42!!! Северо-Западная железная дорога!!!»

– Это как раз для нас! – засмеялся Андрэ, показывая объявление своему другу. – Значит, здесь еще есть бизоны, если только реклама не врет. Мистер Джонатан любит преувеличивать.

– Что это такое – Северо-Западная железная дорога?

– Вот погляди, здесь есть чертеж. Она проведена от озера Верхнего до Колумбия-Райвера на Тихом океане через самые дикие местности, в которых укрываются последние бизоны, загнанные краснокожими и белокожими охотниками. Здесь, между прочим, находится округ, где живет индейское племя «каменных сердец», с которым нам нужно будет хорошенько сговориться.

– «Каменные сердца»! Какое странное название!

– Это ветвь большого племени «плоскоголовых», или «змей». Они когда-то очень хорошо приняли канадских французов-трапперов и выказали во многих случаях такое презрение к смерти, такую стойкость к самым ужасным мучениям, что наши соотечественники дали им это французское прозвище, которое так за ними и осталось. Они в настоящее время довольно цивилизованны, благодаря католическим миссионерам, сумевшим в 1841 году обратить их в христианство. Они продолжают водить дружбу с белыми. В их язык вошло немало французских слов.

– На их землях много дичи?

– Вероятно, много, потому что они живут исключительно охотой.

– И вы думаете, что они нас хорошо примут?

– Наверное – как французов и как охотников.

– Значит, решено.

– Что решено?

– Если хотите, отправимся к «каменным сердцам».

– С удовольствием, дорогой Фрикэ.

Они вышли из «голля» и вернулись к себе в гостиницу.

На другой день они выехали из Сан-Франциско, но не по Тихоокеанской дороге, как первоначально намеревались, а сели в пульмановский вагон приморской ветви, идущей с юга на север параллельно Тихому океану, через города Сакраменто, Ред-Буфер, Южден-Сити, Салем, Портланд и Олимпию.

Яхта осталась в Сан-Франциско, где ей предстоял большой ремонт. Машина ее не могла не разладиться от десятимесячного плавания.

Спустя два часа друзья прибыли в Портланд, где остановились на несколько дней, чтобы сделать нужные приготовления и навести некоторые справки.

Прежде всего Андрэ установил, что сногшибательная реклама Северо-Западной дороги несколько не преувеличивала насчет бизонов, а это для него было главным. Но все-таки в информации содержалась и большая неточность, ибо дорога еще не была доведена до озера Верхнего, а только до Валлулы, небольшого поселения в трехстах километрах от Портланда. От Валлулы до местности, где жили «каменные сердца», Андрэ и Фрикэ предстояло еще проехать на лошадях двести двадцать километров. Железная дорога туда существовала пока только на бумаге. Но это не смутило друзей. Они не торопились, им было все равно как ехать, лишь бы интересной была охота. К тому же они узнали, что в Валлуле можно нанять и повозки, и упряжных лошадей, и верховых коней.

Чтобы уж потом не путаться и не сбиваться, Андрэ заранее начертил себе маршрут, от которого, впрочем, всегда можно будет отступить, если понадобится. Маршрут от Валлулы шел через форт Веллавеллу, городок Уэтсбург, Туканнор и Пэлуз-Фэрм на правом берегу Снэк-Райвера. Пэлуз-Фэрм на их пути был последним цивилизованным пунктом, после которого охотников ожидала ночевка под открытым небом. Но это их несколько не смущало.

Известие об их отъезде в опасную экспедицию произвело большое впечатление на служащих в гостинице, где они остановились. В числе этих служащих был конторщик, канадец родом, с самого приезда оказывавший «французам из старой Франции» особенное внимание. Вместе с другим конторщиком, чистокровным янки, он помогал Андрэ составлять маршрут. Когда Андрэ произнес слово «Туканнор», клерк-француз вдруг перебил его.

– Слышите, Дик, – обратился он к товарищу-янки, – джентльмен хочет ехать в Туканнор.

– Слышу, – отвечал Дик, раскачиваясь в кресле-качалке и метко сплевывая на колонну слюну с табаком.

– Разве мародеры-«просверленные носы» не там оскальпировали мужчин и увели в плен детей и женщин?

– Нет, – отвечал Дик, – это было в Эльк-Сити, в Айдаго.

– Ну, так это там река вышла из берегов и смыла весь город?

– И это было не там, а в Льюизтоне, неподалеку оттуда.

– Между тем я точно помню, что в Туканноре что-то подобное случилось.

– Yes. Ковбои захватили город и три четверти домов сожгли за то, что жители не захотели дать им водки.

– Вот видите!

– Это было уже месяц тому назад. С тех пор деревянные дома отстроили заново, а из ковбоев повесили несколько человек. Даже телеграф теперь восстановлен.

– Все-таки, господа, вы примите меры. Ведь тут не Канада, где правительство хорошо обращается с индейцами и они друзья белым. Мне будет жаль, если с вами случится несчастье. Ведь мы одной крови!

– Спасибо, дорогой земляк, – проговорил Андрэ, пожимая руку конторщику, – мы будем осторожны.

Только еще через день друзья могли наконец выехать, доверившись пресквернейшей железной дороге, проведенной по левому берегу Колумбия-Райвера. Полотно было отвратительное, шпалы лежали почти без балласта. Поезд же был, впрочем, недурен. В Европе почти ничего не знают о пульмановских вагонах, называемых по имени их изобретателя и принятых почти на всех американских дорогах. Это настоящие салоны в двадцать пять метров длины, с раздвижными креслами, расставленными одно против другого и на ночь сдвигающимися, так что получается великолепная постель с матрасом, подушками, простыней и одеялом, содержащими в безукоризненной чистоте.

Из вагона можно пройти в курильню, в умывальню со свежей водой, мылом, полотенцем и т. д. и, наконец, в ватерклозет. Все вагоны соединены между собой тамбурами, так что можно свободно и безопасно передвигаться по всему поезду. Наконец, на дальних линиях к поездам прицепляются особые вагоны-рестораны, заменяемые при небольших перегонах вагонами-буфетами.

Впрочем, мы еще будем иметь впоследствии случай поговорить обо всех этих американских новшествах и тогда опишем их подробно, а теперь это было бы еще не к месту и не ко времени.

Поезд с нашими друзьями вышел из Портланда и благополучно прибыл в город Даллас, где кончается речное судоходство по Колумбии.

Все притоки этой большой реки с бассейном в 800 000 квадратных километров, что в полтора раза превосходит площадь Франции, соединяются здесь в одно русло шириной в тысячу двести метров. Но выше города это русло сужается базальтовыми скалами до ста метров, зато глубина достигает местами тысячи метров.

Через этот единственный проток, без которого весь бассейн превратился бы во внутреннее озеро, как раньше это и было, река Колумбия вбрасывает свои воды в Тихий океан.

Таких проломов, пробитых в Каскад-Рэндже водами, текущими в Тихий океан, всего два: этот и еще один – на севере, через который выносит в океан свои воды река Фрозер.

Андрэ едва успел все это объяснить и показать своему другу, как поезд, адски раскачиваясь и прыгая на скверно уложенных рельсах, повернул на восток и покатился по бесконечной прерии вдоль левого берега реки.

Глава IV

Железная дорога будущего. – Валлула. – «Салоны». – Ужасная пища, невероятная смесь. – Обед пастора. – Поиски лошадей. – Маленькие люди любят большие вещи и рослых коней. – Лошадь Фрикэ. – Фрикэ отказывается от услуг незнакомца, предлагающего подсадить его на громадную лошадь. – Драматические последствия этого отказа. – Сильная, но короткая борьба. – Полковник-кентукиец шести футов ростом поколочен парижанином, который на целый фут ниже. – Все хорошо, что хорошо кончается.

В описываемое время Северо-Западная железная дорога не была еще достроена, несмотря на самую невероятную рекламу ее. Конечным пунктом от Чикаго был Бигорн-Сити на Йеллоустон-Райвере, а конечным пунктом с запада на восток была Валлула. Между ними еще оставалось более тысячи двухсот километров. Конечно, для американцев, замечательных мастеров железнодорожного дела, ничего бы не стоило проложить линии такой длины, если бы на пути не пришлось Скалистые горы, это обстоятельство затруднило и замедлило постройку, несмотря на обилие долларов дяди Сэма и на его строительные способности.

С неимоверной тряской, кое-как прибыл в Валлулу поезд, в котором ехали Андрэ и Фрикэ.

Служащие на железной дороге рассказали, что в Валлуле сейчас полторы тысячи жителей, но года через три-четыре будет двадцать. Теперь это был еще очень маленький городок, но детство его уже ушло в прошлое. Жители помещались не в палатках и фурах, а в домах; улицы были очень широкие, распланированные в правильном шахматном порядке. Дома по большей части кирпичные, с деревянными тротуарами для защиты от местной липкой грязи, известной под названием «гумбо».

В городе имелись три гостиницы для лиц, не ведущих собственного хозяйства, – а таких было четыре пятых из всего числа жителей, – а также значительное количество «салонов», попросту кабаков, с продажей умопомрачительных напитков, представляющих невероятнейшие комбинации из аптекарских и парфюмерных средств, особенно любезных американскому горлу.

Имелись также три церкви различных христианских общин, посещавшиеся, впрочем, очень редко, далее – два банка, тюрьма и суд.

Граждане Валлулы, очень довольные своим городом, находили, что он – последнее слово цивилизации.

Мнение Фрикэ и Андрэ было, однако, иным, особенно после того, как, с трудом переправив свой багаж в одну из трех гостиниц, они едва смогли найти для себя место в большой общей зале, где ели, пили, жевали табак и бешено ораторствовали, сбившись в тесные группы, граждане нового города.

Хозяйка-немка, матерая бабища, невозмутимая как корова, медленно обходила узкие и длинные столы, покрытые грязными скатертями. Перед двумя приезжими иностранцами она остановилась и монотонно, на манер нюрнбергской куклы, проговорила:

– Солонина. Корнед-биф. Ветчина. Картофель. Десерт. Чай. Кофе.

Слова были произнесены по-английски, но с убийственным немецким акцентом. Друзья все-таки поняли – и, конечно, умилились такому блестящему выбору блюд.

Они даже не успели ничего ответить, потому что матрона сейчас же исчезла. Через пять минут она вернулась с дюжиной блюдец, двумя грошовыми ножами, двумя железными вилками и куском пресного хлеба, похожего на кирпич.

Пожаловаться было не на что: двум друзьям подали не только то, что было перечислено хозяйкой, но и кое-что другое, чего они даже и не просили.

Фрикэ окинул всю обстановку залы инквизиторским взглядом парижанина, умеющего сразу замечать все мельчайшие подробности.

Молодой человек сидел с самым степенным и важным видом, но в душе забавлялся. Очень уж курьезны были эти «выдающиеся» горожане, prominent citizen, тыкавшие железными вилками в блюдечки, накладывавшие себе на тарелки груды кусков, обливавшие их горчицей и соусами, представлявшими нечто невообразимое по своей крепости и остроте, и потом запикивавшие себе все это в рот посредством ножа и вилки.

Фрикэ вступил в битву с поданным ему куском говядины, жесткой, точно мясо акулы, – и вдруг остановился, изумленный неожиданным зрелищем.

Джентльмен весьма почтенного вида, по-видимому пастор, занимался такими кулинарными приготовлениями, которых европейцу не понять ни за что. Прежде всего почтенный пастор нарезал кубическими кусочками жареную ветчину и полил ее консервированным молоком, густым, почти как мед, и крошил туда грибных консервов. Потом выдавил в эту смесь свежий томат, полил все яйцом, разведенным в виски, круто посолил, насыпал страсть сколько перца и обложил ломтиками ананаса. А затем, после уж всего этого, облил свое кушанье каким-то черным составом.

Фрикэ подумал:

– Наверное, тут пари. Не иначе.

Его всего передернуло, когда пастор принялся с аппетитом поглощать эту смесь.

– Monsieur Андрэ, – шепнул он другу, – даже китайцы не могли бы придумать лучше, а уж они ли не мастера смешивать несмешимое. Сколько я ни ездил по белу свету, ничего подобного не видел. Вот так меню! Ну и американцы.

Андрэ невозмутимо поедал ветчину, хлеб, огурцы и томаты с видом человека, торопящегося окончить неприятную формальность и поскорее расстаться с этой авангардистской цивилизацией, забравшись в настоящую дикую глушь, где воздух чист, где люди гостеприимны, где пища проста и съедобна, где живет вольно и дышится всей грудью.

После еды – кажется, они в жизни не едали хуже – друзья пошли искать себе лошадей.

Лошадей в Валлуле было достаточно. Малорослые, но красивые и крепкие кони. Настоящие ковбойские – неумомимые и выносливые.

Андрэ выбрал себе рыже-бурую лошадку с черным хвостом и черной гривой, с крепкими, тонкими ногами при небольших, но твердых, как мрамор, копытах.

А Фрикэ...

Андрэ даже улыбнулся его выбору.

Люди небольшого роста ужасно любят все большое: носят большие шляпы, курят громадные сигары, путаются в широких пальто, живут в просторных комнатах, держат огромных собак и женятся на рослых женщинах.

Это всем известно.

Хотите знать, какая лошадь приглянулась Фрикэ, который был ростом сам не больше пяти футов?

Приглянулся ему долговязый конь необыкновенной величины, рядом с приземистыми лошадьми местной породы казавшийся страусом среди журавлей. То был, по всей вероятности, какой-нибудь неудачливый скакун, застрявший на последней станции Северо-Западной железной дороги. Фрикэ подошел к коню, взял его за повод, потрепал по груди, осмотрел со всех сторон с видом знатока и сказал Андрэ:

– Этот конь как раз по мне. Я его беру.

«Выдающиеся граждане» высыпали из гостиниц и «салонов», чтобы посмотреть, как будут выбирать себе лошадей приезжие французы. Выбор, сделанный Фрикэ, всех удивил. Уж очень была велика разница в росте между конем и всадником. В рядах публики раздался

хохот, впрочем, отнюдь не враждебный. Фрикэ выпрямился, как задиристый петух, но, подумав немного, пожал плечами и приготовился вскочить на лошадь.

– Смейтесь, дураки! – пропустил он сквозь зубы. Вдруг на его плечо опустилась чья-то тяжелая рука и кто-то проговорил осипшим басом:

– Если у вас нет лестницы, то полковник Джим может вас посадить.

Фрикэ быстро повернулся и увидел перед собой ковбоя богатырского роста; с первого взгляда было ясно, что это абсолютно неотесанный мужлан – как внешне, так и внутренне. Такие люди сами про себя говорят, что они полукрокодилы, полулошади.

– Что за чудище! – вскричал француз. – И потом, что это за фамильярность? Прочь лапы, не то я так вас тресну...

Публика окончательно развеселилась и залилась бурным хохотом.

Ковбой руки не снял, поэтому Фрикэ оттолкнул его, и так сильно, что тот – правда, он был пьян – отлетел на три шага и едва не упал.

Богатырь оправился, поднял кулак и закричал хриплым голосом:

– Я тебе башку размозжу!

– А я тебя сломаю как спичку! – пронзительно крикнул Фрикэ, делая прыжок и становясь в безукоризненную позицию боксера.

Американцы вообще очень плохо воспитаны или даже, можно сказать, не воспитаны вовсе, но они не задиристы и в глубине души скорее добродушны и благожелательны. Многие из зрителей пожелали прекратить сцену, и один из них обратился к Андрэ:

– Джентльмен, увели бы вы вашего друга. Полковник Джим пьян, может выйти несчастье.

– Спасибо, джентльмен, – холодно отвечал Андрэ, – но ваш полковник поступил с моим другом чересчур грубо и дерзко и заслуживает хорошего урока.

Он обратился к парижанину:

– Не робей, Фрикэ!

Массивный кулак ковбоя опустился, но встретил пустоту: Фрикэ ловко увернулся.

– А еще полковник! Вы боксируете словно стоптанный башмак. Вот вам за это!

Раздался глухой удар. Кентукиец завыл от боли. Глаз его моментально вздулся, закрылся и посинел.

Растерявшийся гигант, видимо не привычный к настоящему, правильному боксу, вообразил, что, схватившись с противником грудь о грудь, он легче одолеет его.

Фрикэ отпрыгнул на три шага назад и крикнул в публику, что, так как противник не соблюдает правил бокса, то и он, Фрикэ, не будет их соблюдать.

– Правильно!.. Прав француз!.. Пусть он действует как хочет!.. – слышались голоса.

– Ну-с, так вот вам! – сказал Фрикэ и брыкнул обеими ногами так, что ковбой упал как подкошенный.

В бешенстве вскочил он и кинулся на Фрикэ, как ошалелый бык, уже окончательно ничего не видя и не соображая.

Парижанин опять ускользнул от удара и снова ударил ковбоя ногой, а вслед за тем и кулаком в грудь. Удар за ударом посыпались на несчастного верзилу. Трещали кости, текла кровь, вскакивали шишки и синяки. Избитый богатырь упал на землю, почти без чувств. Фрикэ, даже не запыхавшись, взял за повод свою громадную лошадь и подвел ее к лежащему полковнику.

Публика смотрела с удивлением.

– Полковник, – сказал он своим пронзительным голосом, – хотел посадить меня на лошадь, но сделал это грубо, недостойно джентльмена. Я проучил его за это. Больше я ничего против него не имею. Так как он вернуться сам в гостиницу не может, то я должен ему помочь.

С этими словами он схватил полковника одной рукой за ворот, а другой за пояс штанов, легко приподнял и посадил на лошадь. Полковник бессознательно ухватился за гриву.

– Я думал, он тяжелее, а в нем не больше сотни килограммов. Верзилы всегда легковесны. Ну-с, я поведу лошадь за повод.

Но тут к нему потянулись десятки рук, вырвали у него повод, а самого подхватили и высоко подняли над землей.

– Гип!.. Гип!.. Ура!..

Вверх летели шляпы. Фрикэ понесли в ближайший «салон», куда направился и Андрэ. Его тоже хотели нести на руках, но он отвертелся.

Полковник верхом на лошади парижанина тоже подъехал к кабаку. У таких людей обморок длится недолго. К тому же хозяин кабака, человек бывалый, сейчас же выбежал из-за стойки и вылил в рот раненому хорошую дозу лекарства, называемого американцами корпс-ривайер, то есть оживитель трупов.

Едва отведав его, полковник встрепенулся и окончательно пришел в себя.

Увидев Фрикэ, он протянул руку и сказал:

– Помиримтесь, джентльмен! Вы не велики ростом, но молодчина. А я теперь ваш друг.

Фрикэ сердечно пожал протянутую ему руку под громкие аплодисменты толпы.

Толпа шумела все громче и громче, пьянство усиливалось, оргия разгоралась. Но Фрикэ и Андрэ прибыли в Валлулу вовсе не затем, чтобы любоваться оргиями американских авантюристов. Трезвые и уверенные в себе, они ненавидели обжорство, пьянство и всякие излишества и потому решили при первом удобном случае улизнуть из пьяного «салона».

Их новый друг, побитый полковник, угадал их намерение.

– Не беспокойтесь, джентльмены, – сказал он, наскоро ознакомившись с их проектом экспедиции в страну бизонов. – Доверьтесь мне, я вам помогу достать все необходимое. Сейчас вы увидите.

И он крикнул своим сильным голосом на всю залу.

– Эй, Билль!.. Куманек любезный! Эй! Полковник Билль!

– Как! Опять полковник! – не удержался Фрикэ.

– О, джентльмен, это у нас ничего не значит, – отвечал со своим грубым смехом ковбой, – мы очень падки на всякие титулы. Каждый непременно хочет быть кем-нибудь: генералом, полковником, инженером, судьей, профессором, доктором и т. д. Более скромные довольствуются чином капитана.

– А, вот оно что. Ну, а вы, полковник, вероятно, недавно вышли в отставку?

– Кто? Я? Да я на военной службе никогда и не был. У меня был брат полковник в армии Шермана, его убили при Кингстоне. Я, выходит, получил его чин в наследство... А вот и Билль.

– Я вам нужен, Джим?

– Этим джентльменам требуются две лошади получше и за разумную цену. Не добудете ли вы?

– Для вас, Джим, с большим удовольствием.

– Кроме того, им нужен проводник, знакомый с местными индейскими наречиями. Не хотите ли вы наняться?

– Очего же нет, если дадут приличную плату.

– Вот именно: приличную. Кроме того, вы должны будете добыть для них фуру, пару упряжных лошадей, четырех верховых, наконец, еще лошадей для охраны, если они пожелают ее взять.

– Ну, ладно. Все это я обдумаю и устрою завтра, а сегодня не мешай мне пить. Не так ли, джентльмены? – сказал Билль, протягивая руку Андрэ и Фрикэ, которые за все время не вымолвили ни слова.

– Так, так, – отвечал Андрэ, которого забавлял этот способ вести переговоры и устраивать дела.

Однако он оставил за собой право проконтролировать на другой день все действия будущего проводника.

Тем временем молодой человек случайно познакомился и разговорился с одним из инженеров-путейцев, который, оказалось, учился во Франции в Центральном училище искусств и ремесел и там получил диплом гражданского инженера. Значит, был почти соотечественником.

Инженер знал лично обоих «полковников», поскольку ему приходилось пользоваться их услугами. Оба были в полном смысле слова авантюристы, пьяницы, драчуны, задиры, всегда готовые схватиться за нож или за револьвер, но добросовестно исполняли принятые на себя обязательства, твердо держали данное слово и вообще годились для самой разнообразной службы. С местностью были знакомы отлично, знали все туземные наречия и умели с выгодой выпутаться из самых трудных обязательств.

Для наших путешественников такие люди были просто клад.

После такой характеристики Андрэ немедленно нанял обоих полковников к себе на службу и, в виде магарыча, угостил их таким фантастическим пуншем, какого еще ни разу не бывало в заведениях американского Северо-Запада.

Глава V

Мистер Билль немножко больше полковник, чем его кум.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.